

Гоголь назвал это истинным торжеством свободы.

Что же они натворили?

Господин В. лишил эсперов их эсперских способностей, наделив ими простых обывателей, а Гоголь со свойственным ему задором взломал все замки, до которых только сумел дотянуться.

Николай и сам толком не понимал, как его напарнику удался этот самый сложный трюк, но списал всё на фирменное волшебство господина В.: если фокус удался, то технические тонкости закулисья шута волновать не должны.

— Ого, как занятно, — протянул господин В.

Он стоял у самого края балюстрады, созерцая бушующий внизу хаос. Безумие улиц идеально соответствовало его планам.

Совсем недавно они с мегафонами в руках прошли по городу, громогласно объявив толпе о начале «новой жизни».

— О-о-о! — Гоголь, вцепившись в перила, опасно перевесился через край, жадно всматриваясь в происходящее. — Надо же, твои эсперские способности тоже испарились!

— Свобода шута не терпит условностей и рамок, дорогой мой! Есть эсперские способности, нет их — мне безразлично!

Лишись Коля своей «Шинели» насовсем, его заботило бы лишь одно: как теперь таскать за собой весь ворох фокусного реквизита. Попытаться вернуть утраченную эсперскую способность он бы точно не стал.

— Как думаешь, что их ждет дальше? — поинтересовался господин В.

— Обратятся в прах! — не задумываясь, отрезал Гоголь.

Ответ лежал на поверхности. Те, кто вчера угнетал незащищенных силой и страхом, сегодня сами захлебнулись в волне ответной жестокости. Огонь, сталь, пули — не имело значения, какое оружие выберет толпа. Гоголь точно знал: пощады мучителям не будет.

Никто не собирался проявлять милосердие. Стоило вчерашним чернорабочим, трудившимся без сна и отдыха, завидеть ненавистные лица надсмотрщиков, как в их груди закипала слепая, удушливая ярость.

— Как жаль... — вздохнул господин В., хотя его губы растянулись в широкой, хищной улыбке.

Он наблюдал за этой обреченной буффонадой свысока, словно зритель в ложе театра, втайне надеясь, что посреди бессмысленной драки на сцене внезапно появится неординарный актер.

Но пока единственным, кто умудрился выйти за рамки предписанного сценария, оставался его сумасбродный помощник. Увлекая Гоголя за собой вслед за людским потоком, господин В. сменил позицию. Даже если финал окажется банальным, он намерен досмотреть срежиссированный им спектакль до последнего акта.

Толпа внизу не просто шумела — она восстала.

Убийство карается законом, но кого это волновало теперь, когда рассудок окончательно уступил место первобытным инстинктам?

Людские ручьи сливались в бушующий поток, затапливающий улицы Москвы и утягивающий город в пучину безумного карнавала. Господин В. не оставался в стороне: кружа вместе с Гоголем высоко над крышами, он то и дело взрывал в воздухе бутафорские петарды.

Золотистые и алые ленты серпантина кружились в воздухе, смешиваясь со странной, едва заметной пылью. Мятеежникам внизу было не до эстетики — их глаза налились кровью, а лица исказила неестественная, лихорадочная эйфория.

Господин В. мысленно поаплодировал себе. Крохотная щепотка «катализатора» превратила толпу в идеальный вирус, стремительно разносящий эсперскую заразу по всем закоулкам мегаполиса.

Но победный марш безумцев захлебнулся, стоило на их пути вырасти одной-единственной фигуре. Это был господин Толстой. Одно его присутствие вселяло непоколебимую уверенность — так вековой дуб вырастает корнями в вершину утеса, презирая любые бури.

— Неужели стихию не обуздать?.. — тихо пробормотал он.

Лев Николаевич явился сюда, чтобы навести порядок в этом хаосе. Он слегка приподнял поля шляпы, всматриваясь в разворачивающийся перед ним кошмар.

Картина поражала своей нелепостью: эсперы, чьи досье он изучал этим утром, теперь валялись на мостовой в лужах собственной крови. А измывались над ними вчерашние «лишние люди» — гражданские, некогда числившиеся пропавшими без вести. И дрались они эсперскими способностями, которых у них отродясь быть не могло. Обуздать эту противоестественную стихию не мог никто, кроме него.

— Держитесь за мной и не отставайте, — скомандовал он сопровождающим.

Безумные новоиспеченные эсперы крушили всё на своем пути, пока жандармы и городская стража позорно разбегались. В России попросту не нашлось регулярных сил, способных сдержать столь сокрушительный натиск.

В груди Толстого закипал гнев — горький, обращенный на слабость государственной машины.

Появление эсперов невозможно предугадать, но контролировать их — прямая обязанность властей! Их нужно было выявлять, обучать, направлять их таланты на благо Отечества, а не позволять скатываться в криминал. Простая истина, которую он твердил годами, так и осталась пылиться на бумаге.

В памяти всплыли образы прошлой войны — его роковое столкновение с превосходящими эсперами других держав. Тяжелейшие раны заставили его запереться в родовом имении на долгие годы. Свежесозданный Отдел по делам эсперов лишился своего идейного лидера и все эти годы слепо блуждал в потемках.

Именно тогда Иван Тургенев, не разделив его взглядов, навсегда покинул родину.

Тургенев свято верил, что эсперы не должны прозябать в тени. Их удел — великая геополитическая арена, борьба на высшем уровне, способная перекроить баланс сил между одаренными и обычными людьми.

Толстой же, напротив, считал эру эсперов лишь временным, преходящим капризом истории. Сколько бы одаренные ни вмешивались в судьбы мира, изменить истинную суть народной жизни им не под силу. Вместо бессмысленной грезни за власть он призывал обратить взор к вечным, простым истинам.

В итоге оба потерпели фиаско.

По молодости они были слишком горды и наивны. Лишь годы спустя пришло понимание: работает только то, что проверено практикой. Бесполезно требовать от народа мгновенного перерождения — нужно сперва выстроить нерушимые рамки порядка, и люди сами к ним привыкнут. Человек ко всему приспосабливается, и этот урок Толстой усвоил твердо.

Страхнув нахлынувшие воспоминания, Лев Николаевич размеренно зашагал вперед. Великая эсперская техника «Война и мир» развернулась вокруг него невидимым куполом, укрывая бунтующую Москву своей непреклонной дланью.

Солдаты послушно следовали за его широкой спиной, без труда скручивая зачинщиков беспорядков. К удивлению конвоиров, стоило мятежникам оказаться под арестом, как их новообетенные эсперские способности испарялись, возвращая несчастных в прежнее, серое состояние.

Не обращая внимания на суету позади, Толстой целенаправленно шел вперед. У подножия массивной высоты он жестом приказал солдатам остаться внизу, а сам в одиночку начал подниматься по ступеням.

Чувствуя биение чужой ауры, он толкнул тяжелую дверь и вышел на крышу. Его взору предстал господин В.

— Воланд, — негромко произнес Толстой, назвав собеседника его истинным именем — названием эсперской способности Михаила Булгакова.

Господин В. поморщился и с явным пренебрежением пожал плечами. Аура «Войны и мира» душила его: пространство вокруг словно затвердело, превратившись в монолитную бетонную стену, сковывающую каждое движение древнего демона.

— Твоих рук дело, — констатировал Толстой. Его голос звучал ровно, лишенный явной злобы.

На самом деле, эта вакханалия была Толстому даже на руку. Разразившийся кризис давал ему безупречный повод триумфально вернуться в Москву и подмять под себя буксующий Отдел по делам эсперов. Но политическая выгода — это одно, а страдания невинных — совсем другое. Своеволие Воланда давно переходило все границы, и его следовало осадить.

— Разумеется, — легко согласился господин В. В его глазах не было ни капли раскаяния. — В сущности, это лишь забавный фокус, который развеется к исходу суток. Разве плохо дать им на мгновение почувствовать себя богами? А когда они очнутся, всё улетучится, как мыльный пузырь.

Хлоп!

И поминай как звали, оставив лишь смутное воспоминание о сладком сне.

Воланд не собирался оправдываться перед Толстым — он лишь лениво ворчал, раздосадованный тем, что все его прогнозы сбылись с пугающей точностью. Шоу вышло слишком предсказуемым.

— Сила без морали ведет лишь к саморазрушению, — отрезал Толстой.

Поступок Воланда походил на безумную шутку, когда несмышленому ребенку вручают заряженный гранатомет.

Голова раскалывалась. Этот хаотичный выпад смешал все карты. Наведя порядок на улицах, Лев Николаевич будет вынужден в спешном порядке гасить искры разгорающейся вражды между одаренными и обычными людьми, пока разногласия не переросли в гражданскую войну.

— Тогда давай заключим пари, — Воланд прищурился, и его лицо озарила мягкая, непривычно теплая улыбка, лишенная прежнего безумного блеска.

— На что спорим? — поинтересовался Толстой.

Хоть мощь Воланда и была скована тисками «Войны и мира», Толстой понимал, что удержать древнюю сущность силой у него вряд ли выйдет. Пари было идеальным шансом заставить беса остаться на месте добровольно.

— Если среди этой беснующейся толпы найдется хотя бы один человек, способный на истинное проявление отваги... я встану на твою сторону, — предложил Воланд.

К понятию «отваги» господин В. относился с религиозным трепетом.

Он преклонялся перед теми, кто упрямо карабкался вверх со дна глубочайшей пропасти, восхищался безумцами, сумевшими собрать осколки разума после полного краха, и боготворил фанатичных мучеников, идущих своей тропой до самого горького конца. Он любил смельчаков. И через эту любовь он принимал человечество со всеми его пороками, любуясь каждым шагом их тернистого пути.

— Идет, — согласился Толстой, будучи уверенным в своей победе.

Безумие обрушилось на город лавиной. Московские улицы превратились в ожившую фантазмагорию: с затянутых тучами небес свешивались исполинские канаты, уходящие в бесконечность; тротуары заполнили полчища пауков и крыс, устроивших дикий пир прямо на глазах у прохожих. Люди металась в панике, оставляя на мостовой ярко-алые следы, будто подошвы их обуви были вымазаны свежей краской. Их лица заволочла непроглядная тьма, словно тени взбунтовались и поменялись местами со своими хозяевами.

Аль-Хайтам точным, выверенным ударом отшвырнул наседавшего безумца и вывел перепуганных сотрудников издательства на улицу.

Шлеп!

Солидные господа внезапно обнаружили себя выраженными в роскошные камзолы сказочных принцев, а их ноги намертво увязли в вязкой, липкой субстанции, покрывавшей всю мостовую.

Не теряя ни секунды, Аль-Хайтам подхватил спутников под мышки и мощным прыжком взмыл на крышу ближайшего здания. Отсюда, с высоты, раскинувшаяся внизу панорама безумия просматривалась куда лучше.

— Напоминает кошмарный сон о преисподней, — невозмутимо заметил Фёдор Михайлович Достоевский, стряхивая пыль с рукава.

Он стоял бок о бок с Аль-Хайтамом, сохраняя ледяное спокойствие. Фёдор сразу понял, что они оказались в эпицентре масштабной и невероятно могущественной иллюзии, сотворенной неизвестным эспером.

— Ох... — тяжело переводя дух, выдохнул Михаил Булгаков.

В этот момент прямо перед его носом промелькнул какой-то белоснежный вихрь. Писатель опешил, потирая защекотавший от соприкосновения с мягкой тканью кончик носа.

— Позвольте, у вас тут что, принято бросаться вещами с крыш?

— Нет, — Аль-Хайтам опустил взгляд на пойманную им ношу. Из воздуха он выудил свалившегося прямо с неба Николая Гоголя. — Это непредвиденное приобретение.

— Федя-а-а! Наконец-то я тебя отыскал! — радостно завопил Гоголь, ловко спрыгивая на черепицу. Он отвесил шутовской поклон присутствующим и тут же мертвой хваткой вцепился в Фёдора Михайловича Достоевского, засыпая того лавиной восторженных бредней.

Фёдор Михайлович Достоевский застыл с каменным лицом. Избежать неизбежного не удалось. Под неистовым натиском Николая его фигура буквально задрожала, грозя расплыться в воздухе.

Оставив дуэт в покое, Аль-Хайтам вновь устремил взор на бурлящие улицы. Посреди бушующего безумия внизу он внезапно заметил знакомый силуэт. На мостовой, вопреки царящему вокруг хаосу, твердо стоял господин Тургенев.

<http://bllate.org/book/18256/1755709>